

Ху Чжэнь стояла во дворе, глядя на его спину с влажными глазами. Этот мужчина не был высоким — он был худощавым, ростом 170 см, и весил немногим больше, чем сама Ху Чжэнь, которая была всего 155 см. Он не любил много говорить, предпочитая выражать свои чувства действиями.

Хуайли пригласил водителя такси в дом, чтобы поесть лапши, а затем отвёз его в ближайшую гостиницу на ночь, чем глубоко тронул водителя. На самом деле Хуайли был ему благодарен: водитель проехал такое расстояние в канун Нового года, чтобы безопасно доставить Ху Чжэнь домой, и это было больше, чем просто забота о зарботке.

Ху Чжэнь любила красиво одеваться, умела зарабатывать и тратить деньги. Её наряды и аксессуары в те времена стоили немало, не говоря уже о вещах, которые она привезла с собой. Если бы Хуайли знал, что она едет с таким багажом, он бы не разрешил ей брать такси.

Когда они легли спать, Хуайли начал упрекать жену. Он говорил о том, что не стоит демонстрировать своё богатство, что одежда должна быть скромнее, и так продолжалось минут десять. Хотя он ворчал, Ху Чжэнь знала, что он заботится о ней, и лишь улыбалась в ответ.

Хуайли понимал, что она только делает вид, что слушается, и в будущем будет поступать по-своему. Он вздохнул и сказал:

— Ладно, давай спать, уже поздно.

— Хорошо.

Утром Миньюй был рад видеть Ху Чжэнь. Он хотел дождаться её вчера, но Минчжу заставила его лечь спать, угрожая шлёпками, если он не закроет глаза. В итоге он уснул, едва осознавая происходящее.

Ху Чжэнь привезла ему много подарков: новую одежду, обувь, игрушки, но всё это меркло по сравнению с ней самой. Миньюй не говорил об этом, но следующие несколько дней он ходил за ней по пятам, словно боясь, что она снова исчезнет.

Сюй Ган появился на пороге утром в канун Нового года, когда Миньюй писал праздничные парные надписи во дворе.

Хуайли в молодости учился в частной школе и прекрасно владел каллиграфией. Он с детства обучал Минчжу и Миньюя, а Минчжу даже выиграла городской конкурс по каллиграфии. Возможно, из-за того, что у мальчиков руки сильнее, Миньюй писал лучше, и Хуайли поручил ему написать новогодние надписи.

— Миньюй! — раздался резкий голос, и кто-то вошёл в дом.

Миньюй, не отрываясь от работы, спокойно сказал:

— Стой на месте.

Сюй Ган замер, не осмеливаясь сделать шаг. Панда, увидев незнакомца, бросилась к нему с громким лаем.

В последнее время панда хорошо питалась и выросла до размеров взрослой собаки. Её черно-белый окрас, с белой мордой и чёрными пятнами вокруг глаз и ушей, выглядел забавно.

Сюй Ган рассмеялся, но Миньюй холодно сказал:

— Тише.

Неясно, кому он адресовал это — панде или Сюй Гану, но оба сразу замолчали.

Человек и собака стояли у двери, уставившись друг на друга, пока Миньюй не закончил писать. Сюй Ган подошёл к столу, чтобы взглянуть на надписи.

Панда, поняв, что он не чужой, с любопытством смотрела на него.

На красной бумаге было написано: «Весна длится круглый год, цветы цветут вечно». Надпись была выполнена уверенно и изящно, даже лучше, чем те, что продавались на улице.

— Красиво, очень красиво, — сказал Сюй Ган.

Ему было 16 лет, на несколько месяцев меньше, чем Минчжу. Он поздно начал взрослеть, и его голос ещё не сформировался. Он всегда восхищался своей сестрой и братом, считая, что в них есть что-то особенное, чего у него нет. — Мой брат просто гений! Почти как наш отец!

— До папы мне далеко, — скромно улыбнулся Миньюй, но, подняв взгляд, вдруг испугался. — Брат, что с твоими волосами?!

— Тсс! — Сюй Ган попытался закрыть ему рот, но неловко задел чернильницу, и чернила пролились на только что написанные слова.

Миньюй хотел ударить его, но Сюй Ган, с детства крепкий, как бычок, и на восемь лет старше, легко удержал его.

В этот момент из дома вышел Хуайли, услышав голос Сюй Гана.

— Это ты, Сяоган? Я же говорил тебе заранее купить билеты на Новый год, как ты мог забыть?

Хуайли был строгим отцом, и Сюй Ган, самый непослушный из троих детей, чаще всех получал

наказания. Минъюя били только в раннем детстве, а с началом школы этого больше не случалось.

Сюй Ган боялся отца как огня. Он сам говорил, что при виде Хуайли чувствует себя мышью перед котом. Услышав голос отца, он вздрогнул и отпустил Минъюя.

— Папа, брат отрастил длинные волосы! — Минъюй, разозлённый испорченными надписями, тут же пожаловался. — И он испачкал мои новогодние парные надписи!

Хуайли увидел волосы Сюй Гана — полу длинные, с серьгой в правом ухе. Его лицо потемнело.

— Что это за вид?! Ты что, девочка? Быстро подстригись!

Он уже хотел схватить его за воротник, но Сюй Ган ловко уклонился.

— Папа, в Новый год все парикмахерские закрыты, давай обсудим это позже, ладно? — Сюй Ган, прячась за Минъюем, жалобно сказал. — Я только что приехал, даже не позавтракал.

— Ты просто хитришь! Парикмахерские закрыты? Ты специально так сделал, да? Я же говорил тебе купить билеты заранее, а ты ждал до последнего!

Хуайли схватил метлу и начал гоняться за сыном.

— Папа, вы просто гениальны, как настоящий прокурор, я не могу вас обмануть! — Сюй Ган, уворачиваясь, пытался подлизываться, но это только разозлило отца.

— «Гениальны»? Это «проницательны»! Ты книжки-то читал? Панда умнее тебя!

Минъюй, заслоня брата, встал между ним и отцом, как наседка, защищающая цыплёнка. Панда, услышав, как Хуайли назвал её имя, подумала, что они играют, и радостно забегала вокруг них, то трусь об одного, то обнюхивая другого, виляя хвостом, как пропеллером.

Сюй Ган был толстокожим и привык к побоям, а Минъюй — неженкой. Хуайли боялся случайно задеть младшего сына, да и сам он был не очень здоров, поэтому, пробежав пару шагов, запыхался, бросил метлу и указал на Сюй Гана:

— Выходи, не прячься за братом!

— Пап, не сердитесь, в Новый год нехорошо злиться, — Сюй Ган, боясь отца, выглянул из-за Минъюя и сказал. — После праздников я уеду, и вы меня не увидите.

Юноша был одет в тонкую куртку, обнажающую широкую грудь, а за спиной у него был маленький рюкзак, в котором едва помещалась пара вещей. Он не чувствовал холода, и после этой беготни даже вспотел.

Ху Чжэнь, услышав шум, вышла и увидела эту сцену. Увидев волосы и серьгу Сюй Гана, она нахмурилась. Но, зная, что он рос без отца и всегда был её любимчиком, она решила не портить праздник.

Она вмешалась, успокаивая мужа, и дала понять Минъюю, чтобы тот тоже помог. Минъюй, хоть и был недоволен Сюй Ганом, не мог оставить его одного.

Хуайли, видя, что жена и сын вступились за Сюй Гана, решил не портить настроение в праздник и просто велел ему носить дома шапку. Так закончилась эта сцена.

Минъюй взял новый лист бумаги и написал ещё одну пару надписей, а Сюй Ган, взобравшись на лестницу, повесил их. Минъюй, стоя внизу, сердито поддерживал лестницу, а Сюй Ган, зная, что брат злопамятен, поспешил подшутить и развеселить его.

Минчжу тоже не одобряла длинные волосы Сюй Гана. За ужином, когда трое детей сидели на её кровати и играли в карты, она пробормотала:

— У меня волосы короче, чем у тебя.

<http://bllate.org/book/15446/1371484>